

Сергей Васильевич МАКСИМОВ**(1831-1901)**

Среди писателей-костромичей Сергей Васильевич Максимов занимает особое место. Это был писатель-этнограф, большую часть жизни посвятивший изучению занятий и быта населения своей великой страны и, в частности, родного костромского края. Он исходил и изъездил Россию вдоль и поперек, от Гродно до Тихого океана, от Архангельска до Каспийского моря, внимательным взором тонкого наблюдателя везде подмечая характерные детали жизни народных масс, без усталости записывая народные песни, пословицы, «крылатые» слова и выражения.

С. В. Максимов родился 7 октября (25 сентября ст. ст.) 1831 года в посаде Парфентьево, Кологривского уезда, Костромской губернии (теперь с. Парфеньево), в семье местного почтмейстера¹. Семья была большая. Она дала трех русских деятелей: один из братьев Сергея Васильевича, Николай Васильевич, был тоже писателем-этнографом, второй брат, Василий Васильевич, был выдающимся профессором хирургии. По некоторым данным, отец Максимова был человеком для своего времени передовым. Он был большим приятелем поэта-декабриста П. А. Катенина, который часто приезжал к парфентьевскому почтмейстеру в дни своей ссылки.

На втором году жизни Максимов лишился матери. Детство его прошло в Парфентьево, в лесной глуши, в тесном общении с природой и народом. Он рано познакомился с местными нравами и обычаями. Все мелочи быта посадской бедноты, отходников-«питерщи-ков» крепко запоминались впечатлительным мальчиком. С малых лет он полюбил народ, близко к сердцу принимал его интересы.

Начальное образование будущий писатель получил в посадском народном училище. Потом учился в Костромской гимназии, где был одним из лучших учеников. Максимов с благодарностью вспоминал впоследствии учителя русской истории и словесности в этой гимназии— Пермякова, горячего поклонника Белинского. Под его влиянием будущий писатель пристрастился к чтению. Большое влияние имел на него также писатель-костромич А. А. Потехин, преподававший тогда в старших классах гимназии.

В 1850 году, по окончании гимназии, Максимов поступил в Московский университет, на медицинский факультет. Учась в университете, он, вошел в кружок «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Этому кружку Максимов обязан своим литературным воспитанием, здесь в будущем писателе окреп интерес к литературному творчеству и стремление к всестороннему изучению народного быта, здесь же Максимов познакомился и на всю жизнь подружился с А. Н. Островским.

Их сближала любовь к природе, к народу, к народному творчеству, к русскому языку. Впоследствии, живя в Петербурге, С. В. Максимов помогал А. Н. Островскому в издании его сочинений и даже вел их корректуру. Писатели часто переписывались между собой. Максимов навещал великого драматурга в Щелькове, участвовал с ним в рыбной ловле на речках Куекше и Мере. В конце своей жизни Сергей Васильевич написал интересные воспоминания об А. Н. Островском².

В годы учения в университете у Максимова завязалось знакомство и дружба с другим писателем-земляком А. Ф. Писемским, тоже входившим в кружок «Москвитянина».

В 1852 году С. В. Максимов переехал в Петербург и поступил здесь в медико-хирургическую академию, но в 1855 году бросил учебу в ней, так как медицина мало привлекала его. В это время началась его литературная деятельность. Он стал писать очерки из народного быта. Первым из них, появившимся в печати в 1853 году, был очерк «Крестьянские посиделки в Костромской губернии». Этот очерк обратил на себя внимание И. С. Тургенева, который пригласил к себе молодого писателя, одобрил его очерки и посоветовал ему. «Ступайте-ка в народ, внимательно наблюдайте, изучайте его на месте, запасайтесь свежим материалом! У вас хорошие задатки... Дорога перед вами открыта». Следуя совету великого писателя, Максимов летом 1855 года отправился в пешеходное путешествие с этнографическими целями по Костромской, Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям. Результатом этого путешествия был ряд очерков, напечатанных в «Библиотеке для чтения» и других изданиях, составивших впоследствии книгу «Лесная глушь» (1871 г.). Известность Максимова как писателя растет.

В 1855—1856 годах он участвовал в экспедиции по изучению быта населения русского Севера. Полученные во время этой экспедиции материалы он положил в основу своей книги «Год на Севере» (2 тома, 1859 г.). В ней были даны не только картины быта, но «приведены образцы местного народного творчества. Эта книга считается одной из крупнейших работ по этнографии Севера России в XIX веке. За нее Максимова была присуждена Малая золотая медаль Русского географического общества. В последующие годы Максимов

1. Дом Максимовых сохранился. Сейчас в нем помещаются начальные классы Парфентьевской средней школы.

2. С. В. Максимов. А. Н. Островский (По моим воспоминаниям), «Русская мысль», V, 1897.

совершил путешествие на Дальний Восток, в Амурский край. На обратном пути в Сибири он изучал быт каторжных и ссыльных. Результатом этого путешествия были книги «Тюрьма и ссыльные» (1862г.), «На востоке» (1864г.), представляющие значительный исторический интерес. В 1862—1863 годах Максимов посетил Юго-Восток России, изучал природу и быт жителей побережья Каспийского моря и реки Урала, в частности быт старообрядцев. В результате появились «Рассказы из жизни старообрядцев». В 1868 году он объездил Псковскую, Смоленскую губернии и Белоруссию. Свои впечатления и наблюдения во время этого путешествия он впоследствии обобщил в книге «Бродячая Русь» (1877 г.).

В 60-х годах у Максимова установилась дружеская связь с известным поэтом-демократом, издателем, сатирического журнала «Искра», В. С. Курочкиным.. Одно время они и жили вместе. Дружба с Курочкиным положительно сказалась на творчестве Максимова, хотя общественно-политические взгляды писателей значительно расходились.

В 70—80-х годах XIX века С. В. Максимов напечатал ряд книг («Куль хлеба и его похождения», «Сибирь и каторга» и др.), а также много очерков и статей о своих путешествиях. Свои наблюдения над языком народных масс и народным творчеством он обобщил в сборнике «Крылатые слова» (1891г.). Этнографические работы Максимова были в свое время высоко оценены русскими научными и литературными кругами. В частности, великий русский писатель-сатирик. М. Е. Салтыков-Щедрин дал весьма положительный отзыв о сборнике «Лесная глушь». Он отнес Максимова «к числу лучших наших этнографов-беллетристов». «Драгоценнейшее свойство Максимова, — писал Михаил Евграфович, — заключается в его близком знакомстве с народом и его материальной и духовною обстановкою. В этом смысле рассказы его должны быть настольною книгой для всех исследователей русской народности, наряду с трудами Даля, Мельникова, Якушкина и других»¹.

В 1900 году С. В. Максимов за свои литературные труды был избран почетным академиком. В последние годы своей жизни он часто навещал родные края: Кострому, Парфентьев, Галич, подолгу жил летом в сельце Ильинском (близ с. Свинына), Галичского уезда, у своего Друга Макарова. Умер он от туберкулеза горла 16 июня 1901 года в Петербурге. Похоронен на Волковом кладбище.

Обозревая свой жизненный и творческий путь, С. В. Максимов говорил: «Я в самом деле странствовал долго, забирался далеко, видел много и написал много. В деревню я унес свою любознательность, изучая беспомощную нищету, ласкавшую и любившую меня с малых лет». Писатель-этнограф, он изучал и описывал жизнь разнообразных социальных слоев населения царской России, но особенное внимание уделял быту крестьян и рабочих-отходников. Он старался узнать и сказать правду о их жизни. «Никогда я к ним, — говорил Максимов, — не подлаживался, не подлизывался — терпеть этого мужик не может, а всегда ладил с ними, узнавал, что мне требовалось».

Сергей Васильевич очень любил свой родной край, превосходно знал его, бывал почти во всех его уголках: и в Кологриве, и в Галиче, и в Чухломе, и в Буе, и в Судиславле—во многих селах и деревнях Костромской губернии. В последнее десятилетие своей жизни он буквально рвался на родину. В своем письме А. Н. Макарову от 3 января 1897 года он писал из Петербурга: «Во всяком случае рассчитываю... опять на целое уже лето забраться на родину, подышать свежей парфентьевской смолкой». 2- апреля того же года он снова пишет о поездке на родину, как о заветной мечте: «В конце мая тронусь через Рыбинск по Волге на Унжу, в Парфентьев... где ждут хорошие лесные места, с здоровым воздухом... а отсюда, укрепившись, надышавшись и отдохнув на живых воспоминаниях сладкого детства и светлой юности, — в июле, когда вдосталь просохнут дороги, перебраться под гостеприимный кров родного друга, под самый Галич». 29 июня того же года он сообщает своему другу: «Думаю, уже ничто не помешает выехать мне в среду 1 июля, направляясь из этой темной тюрьмы (Петербург— В. К.), через Рыбинск на Кострому и оттуда в Галич. В Костроме думаю остановиться не дольше, как на двое суток, чтобы взглянуть, несомненно, в последний раз в жизни на старое пепелище». И, находясь в Петербурге, он мечтает о родных местах. «Крутояр родной реки, вспоившей меня... (очевидно, имеется в виду р. Нея — В. К.) и Контеево на косогоре так и встают перед глазами», — пишет он Макарову 22 декабря 1898 года.

До последних дней своих Максимов собирает различные материалы о труде и быте своих земляков. Он просит Макарова: «Нельзя ли исподволь на досуге заняться записью плотничьих терминов, которые вы так хорошо знаете? Да и вообще походить около плотников, ведь ваши галичские — исторические герои и первые мастера дела на всей святой Руси». Он интересуется также местными памятниками старины, занимается их изучением. В одном из писем к Макарову в 1898 году он просит последнего заняться сбором исторических материалов по Галичу. «Вы говорили мне, — пишет Максимов, — о каком-то своем знакомом в Галиче, любителе и знатоке старины, его нельзя ли будет приспособить».

С. В. Максимов был настоящим костромским краеведом. В своих очерках он сообщает много ценных

сведений об экономике бывшей Костромской губернии, составе населения, его занятиях, развлечениях, дает различные типы костромичей. В этом отношении особенно интересными являются такие его очерки из сборника «Лесная глушь», как «Швецы», «Булыня», «Маляр» (из 1-го тома), «Крестьянские посиделки», «Дружка», «Питерщик», «Грибовник» (из 2-го тома). В названных очерках дается подробное описание экономического положения, занятий, быта и культуры населения северной части Костромской губернии в 50-х годах XIX столетия, особенно посада Парфентьева и окрестных сел и деревень.

В очерке «Грибовник» Максимов с любовью описывает свою родину — Парфентьев, восхищается красотой местности, где он расположен, природой. «Подъезжая к Парфентьеву, оглянитесь, — пишет он, — много ли таких

картинных местностей на Руси святой? Кругом обступили горы; посад действительно в ложбине. По горам стоят густые сухие леса, так называемые «боры»,.. воздух весь пропитан ароматом окрестных сосновых лесов, весь наполнен смолкой, без малейших признаков присутствия болотных миазмов»¹. С любовью говорит и об окрестностях Парфентьева: о селах Успенье-Нейском, Потрусове, Николе-Ширь, о реке Нее.

Но жизнь населения этой живописной местности оказывается резким контрастом с природой. Неоднократно писатель говорит о страшной бедности местного населения не только крестьянского, но и посадского. «Бедность жителей (Парфентьева), — читаем мы в очерке «Грибовник»,—поражает всякого при первом взгляде; нет ни одного каменного дома, а большая часть деревянных прогнили до слез, покривились и полуразрушились. На слободку подле кладбища, отделенную от посада глубоким оврагом (и потому названную Завражьем), и глядеть больно... Наряд жителей до сих еще пор на большую часть шьется из домотканых материй... Не носят посадские лаптей только потому, что совестно это господам-мещанам, но окрестные крестьяне все сплошь обуты в дешевый продукт березового и липового дерева: в «шептуны» и лапти. Словом сказать — посадская бедность сквозит отовсюду». Здесь же дается характеристика сельского хозяйства в окрестностях Парфентьева: «овес, ячмень, рожь, лен, да и все тут... К тому же и то, что высевается, на шестой год, голодный, всегда не доходит, но и в счастливое время родится только сам 3-й, сам 4-й, отбивая от земли всякую надежду»².

Безысходная нужда заставляла парфентьевцев искать средств к существованию на стороне. Некоторые из них превратились в «кошкодавов», вынуждены были бродить по деревенским задворьям, воровать и убивать кошек, чтобы продать их шкуры. Эти шкуры шли на кожевенные заводы в дер. Шокшу (под Галичем). Шокша перерабатывала все это в ходовой товар. Другие парфентьевцы отправлялись «в Сибирь», то есть в Вятскую и Пермскую губернии, «коновалить», а подчас и колдовать. Часть уходила в Питер- на отхожий промысел. А многие занялись грибным промыслом: собирали грибы, сушили, солили и продавали скупщикам — судиславским торговцам на специальной грибной ярмарке в Парфентьеве 15 августа. «Сбором грибов,— пишет Максимов,— занимаются все, от мала до велика, с раннего утра, можно сказать, с первым лучом восходящего солнца, отправляясь в соседние боры. Самые искусные сборщики, если грибы появлялись поблизости, сходят в день раз до пяти и возвращаются обыкновенно очень поздним вечером»³.

Но часто приходилось грибовникам, даже дряхлым старухам, ходить за грибами за 10—15 верст. В очерке «Грибовник» дается тип такого парфентьевского грибовника Ивана Михеича, «испытанного знатока своего дела», который в течение более тридцати лет занимался грибным промыслом. На труде парфентьевских грибовников наживались судиславские купцы. Они скупали у парфентьевцев грибы за бесценок и сколачивали большие капиталы. Автор называет крупного судиславского купца Папулина, оборот от грибной торговли у которого достигал 150 000 рублей в год.

Так было в Парфентьеве, а в деревне было еще хуже. Положение костромского трудового крестьянства очень выразительно охарактеризовал Максимов в очерке «Питерщик» словами отца плотника Петру-хи, из дер. Судомойки, которого отправляют в Питер на заработки: «Семья у нас и без того большая... Землицей нас мир обидел — сам ведаешь: отрезали, почесть, все песок для пожни-то, да и луга-то углом на свателовское болото вышли. Хоть волком вой, говя-динии-то вот с рождества не видали. Ох, тяжело, Петрованушко, больно тяжело! И никак ты тут не приспособишься»⁴.

Надо было кормить семью, надо оброк помещику и подушные платить. А где возьмешь, что продашь? В очерке «Булыня» Максимов рассказывает, как крестьянской нуждой пользовались «булыни» — торгаши. В летнюю горячую пору они привозили в деревню косы, серпы и продавали их в долг крестьянам, а осенью, используя их зависимость, скупали у них по мизерным ценам льняное волокно, пряжу, холсты, закабалия, таким образом, население. А когда случалось несчастье в крестьянской семье — умирал последний кормилец,

1 С Максимов. Лесная глушь, том 2-й, стр. 288—289.

2 Там же, стр. 290—291.

3 С. Максимов. Лесная глушь, том 2-й, стр. 298.

4 Там же, стр. 170.

то ничего не оставалось его вдове и сиротам, как идти по миру. Так случилось с матерью Петра Сычова (из очерка «Питерщик»), когда умер его отец. Бедность уживалась с невежеством и пьянством. Грамотный человек среди крестьян — диковинка. Таким, например, был Петр Сычов, который расписывался в почтовой конторе чуть ли не за всю вотчину. Болезни лечили деревенские знахарки, вроде тетки Матрены из очерка «Повитуха-знахарка», так как, хоть и был в городе лекарь, «с медяками-то ржавыми к нему не пойдешь». И вот идут к Матрене мужики и бабы больные. А она теплые хлебы накладывает больным на поясницу, и горшками накидывает, и дегтем с молоком поит, и над кровью нашептывает, и зубы заговаривает. Крестьяне верили и знахаркам, и колдунам. В кабаке же они старались забыть свое горе, пропивая последние гроши. В Парфентьеве было 12 кабаков и 6 трактиров, и по праздничным дням здесь «с избытком довольно и круто посоленной брани, и кровопролитных драк, и неугомонного, бесконечного буйства»¹.

Нужда заставляла и крестьян искать заработка на стороне. Некоторые из галичских мужиков на зиму превращались в швцов, то есть портных (очерк «Швцы»), и шли по деревням соседних уездов, шили полушубки, тулупы, кафтаны. А макарьевские и кологривские становились валяльщиками, катали по деревням валенки.

В очерке «Швцы» подробно описывается работой быт швцов. И среди них были «хозяева», которые, беря на выгучку крестьянских ребят и 5 бедных семей, извлекали немалую выгоду для себя. Они заключали с родителями ребят такой словесный договор: «Как науку кончит — мне зиму должен служить, без платежа, — на спасибо». Да и во время ученья хозяин «выезжал» на учениках, заставляя их работать не по силам, сидеть далеко за полночь. А если от переутомления кто-нибудь из них задремлет, будил такого плеткой. Ременная плетка с залитым на конце довольно большим куском вару составляла «необходимую принадлежность всякого швца, который имеет учеников», — пишет Максимов.

В швцы уходила все-таки очень незначительная часть местного крестьянства. Большинство же мужского деревенского населения Галичского и Чухломского уездов тянулись, как выражается писатель, «прямо на запад и именно в Петербург, где в особенности много чухломского и галицкого люда: в десятниках и плотниках, в малярах и стекольщиках, в каменщиках, печниках и штукатурах»². Больше всего среди «питерщиков» — маляров и плотников. «Маляры всей своей массой принадлежат Костромской губернии... на костромичей приходится 43 процента всех маляров столицы»³. Много было плотников, причем плотники — по преимуществу галичане. «Питерщикам» этих двух профессий Максимов посвящает два своих лучших очерка: «Маляры» и «Питерщик». Они в некоторой степени напоминают очерк «Питерщик» А. Ф. Писемского. Да это и естественно: оба писателя говорили об одном и том же явлении (отходничестве), только в очерке Писемского — чухломские «пи-терщики», а у Максимова — галичские и кологривские. Но типы «питерщиков» у них взяты разные: Клементий у Писемского — подрядчик, а Петруха Корега («Маляр») и Петр Сычов («Питерщик») у Максимова — рядовые «питерщики».

Максимов очень подробно описывает, как крестьянских ребят снаряжали и отправляли в Питер. И сейчас трудно без волнения читать сцену проводов в Питер двенадцатилетнего крестьянского парнишки Петруни в очерке «Маляр». Предстояла тяжелая и долгая дорога: добирались до Москвы «рысцей да пешечком», а оттуда в Петербург на чугунке в товарном поезде. Не сладка была жизнь «питерщиков» и в столице царской России, особенно на первых порах, когда они были учениками. Сколько издевательств и побоев приходилось испытывать от хозяев и подрядчиков! «Любил озорник-хозяин показать Петрухе, как колбасники щетину щиплют, и все, бывало, на его затылке упражняется, а то схватит за нос, либо за ухо да к спрашивает; «чей нос?» Тут, как ни ответишь, все неладно, надерет ухо до того, что слеза прошибет» («Маляр») ⁴.

Работали «питерщики» артелями. «В галицкой плотничьей артели перепутались и галицкие, и костромские, и кологривские, и чухломские, и галицкая эта артель потому только, что галицких плотников больше числом». При этом костромичи и галичане держались дружно, но обособленно от выходцев из других губерний. Сложилась поговорка: «Костромичи — в кучу, галичане — в кучу, ярославцы — прочь»⁵. Во главе стоял артельный. Работали с рассвета до сумерек, находясь в цепких лапах подрядчиков, из своих же земляков. В очерке «Питерщик» дан тип такого подрядчика — это Семен Иванович Торинский. Разбогатев, он стал постоянно жить в Петербурге, в квартире из трех комнат, «сшил себе до пят синюю суконную сибирку, завел пестрый бархатный жилет, шляпу... часы серебряные луковицей, при длинной бисерной цепочке». Он презрительно, надменно относился к своим рабочим и к приезжающим в Питер односельчанам, ловко эксплуатировал их.

1. С. Максимов. Лесная глушь, том 2-й, стр. 299.

2. С. Максимов. Лесная глушь, том 2-й, стр. 294.

3. Там же, том 1-й, стр. 195.

4. С. Максимов. Лесная глушь, том 1-й, стр. 141

5. Там же, том 2-й, стр. 184.

А заработок «питерщика» иногда был такой, что-ему не с чем было ехать домой. Но ни бедность, ни тяжелый, изнурительный труд, ни гнет и издевательства со стороны хозяев больших и малых не могли подавить в костромском крестьянине его природного ума, бодрости духа, любви к песне, шутке, меткому слову. В очерке «Швецы» дан замечательный тип галичского швеца Терехи, который называет себя «галицким ершом» и дает такую характеристику своему хозяйству: «Теперь все и хозяйство, что вот есть на себе; во дворе скотины — таракан да луковица, а и медной-то посуда! всего одна пуговчца»¹. Тереха—талантливый, неутомимый шутники рассказчик. Он знает огромное количество сказок, бывальщин, загадок и умеет их сочинять сам. В свободное от работы время, да и во время работы он развлекал этим и своих товарищей и крестьянскую семью, в которой приходилось работать. У него были загадки и пословицы на все; и на явления природы, и «на все то, что растет в лесу и любезно сердцу, от гриба до ягоды, и на то, что вызревает в огороде», и на предметы крестьянского обихода. Тереха никогда не падает духом и этим привлекает симпатии крестьян и крестьянок.

Другой тип талантливого самородка-костромича Максимов вывел в рассказе «Дружка» в лице «дружки» Фомки. Это настоящий деревенский артист. «Сказку ли смастерить на смех и горе, чтобы и страшная была и потешная, песню ли спеть, чтобы в слезы вогнуть и кончить сиповатым пением старого петуха и кудахтаньем курочки; овцой проблеять, козелком вскричать и запрыгать сорокой; собаку соцкого передразнить и за мычать соседской коровой; старой нищенкой попросить милостыни—всюду хватал мастера Фомку».² А в качестве «дружки» на свадьбах он не имел соперников. Он знал в совершенстве свадебные обряды, а его бойкие, остроумные «приговоры» на «девишнике» и на свадебном пиру вызывали восхищение у всех.

Ценность рассказа «Дружка» заключается и в том, что здесь дается подробное описание свадебных обычаев, а также приводятся тексты свадебных песен и «приговоров», бытовавших в старой костромской деревне.

По тематике к этому рассказу близки очерки «Крестьянские посиделки в Костромской губернии» и «Повитуха-знахарка». Первый из них целиком посвящен описанию зимних развлечений костромской крестьянской молодежи в середине XIX века. Рассказывается о так называемых «ссылках», «супрядках», «посиделках». Описываются песни, пляски, народный театр. В частности, воспроизводится очень популярная для своего времени инсценировка «Барин голый». В очерке «Повитуха-знахарка» речь идет о деревенских обычаях, связанных с рождением ребенка, здесь же мы находим тексты некоторых костромских народных песен, «заплачек», заговоров.

Во всех этих очерках есть еще много разнообразного местного этнографического и другого материала. Например, в очерке «Булыня» приводится местный народный календарь и описываются осенне-зимние занятия костромских крестьян и особенно крестьянок (деревенское ткачество). Из очерка «Сергач» узнаем, как развлекал публику в Бушневе (теперь Антроповского района) во время летнего праздника «Сергач» с медведем. В очерке «Грибовник» Максимов обращает внимание на долголетие некоторых парфентьевских жителей: ложковский старик, бывший посадский церковный староста Роман Абрамыч, умер ста десяти лет, его соседка ста двадцати двух лет. Здесь же он упоминает про луг близ Парфентьева, носивший название «Палачовки», так как, по преданию, эта земля когда-то принадлежала палачам и на палачей посадские люди эту землю возделывали³. В том же очерке Максимов описывает дорогу от Костромы до Парфентьева и попутно сообщает некоторые сведения о Судиславле, Галиче, называет многие села и деревни близ Парфентьева: Ложково, Свателово, Трифонове, Нечаеве, Савино, Ефимово, Еремейцево и др.

Не все очерки Максимова в сборнике «Лесная глушь» равноценны. Есть среди них и слабые, малоценные как по содержанию, так и по форме. Язык очерков перегружен диалектизмами. А главное: писатель, сообщив горькую правду о тяжелом положении костромского крестьянства и «питерщиков», не показал виновников этого, не раскрыл глубоко классовых противоречий царской России, не указал выхода из положения. У него нет протестующих, борющихся крестьян. Не видно у него в очерках и главных эксплуататоров крестьянства — помещиков. Придерживаясь умеренных политических взглядов, находясь под влиянием славянофильства, он идеализировал старый, патриархальный уклад жизни крестьянства, идеализировал и артель отходников - «питерщиков».

Несмотря на это, очерки С. В. Максимова не утратили своего значения до сих пор. Они дают богатый материал о прошлом нашей Родины, в частности Костромской области, проникнуты глубокой любовью к

-
1. Н. А. Некрасов в своем стихотворении «Молодые» использовал один из вариантов этой, очевидно, распространенной в то время прибаутки. У Некрасова: «Есть и овощ в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!»
 2. С. Максимов. Лесная глушь, том 2-й, стр. 55.
 3. Между прочим, этот луг, находящийся в 2 километрах от Парфентьева, сохранил свое название и до сих пор.

природе, великому русскому народу, к его труду, творчеству, языку. От них веет чем-то родным — свежим запахом костромских лесов, просторами полей и лугов. Вместе с тем эти очерки, наряду с произведениями Писемского, дают яркую картину костромской деревни, какой она была сто лет тому назад, и, сравнивая прошлое с настоящим, каждый читатель может видеть колоссальные перемены, происшедшие в нашей стране в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Эти перемены не обошли и Парфентьев. Из захудалого, крайне бедного, заброшенного посада он превратился в административный центр одного из районов Костромской области, в центр культуры, где есть и средняя школа, и больница, и Дом культуры, и своя газета, есть электричество и радио. Неграмотность в Парфеньевском районе давно ликвидирована. Не только в Парфеньеве, но и в "селах и деревнях района сейчас немала людей с высшим образованием из среды местного населения. Крестьяне, колхозники Парфеньевского района, работают не на помещиков, не на торгашей — «бульнь», цена подрядчиков, а на себя и свое родное Советское государство.

Большую ценность для всех советских людей представляет книга Максимова «Крылатые слова». Недаром Государственное издательство художественной литературы переиздало ее в 1955 году стотысячным тиражом.

Эта книга проникнута горячей любовью к родному русскому языку, к живой народной речи. Здесь мы найдем не только объяснения многим поговоркам и ходячим выражениям, которыми и сейчас пользуемся, но узнаем и их происхождение. На самом деле, громадное большинство русских людей, в том числе и костромичей, употребляет в своей речи такие выражения, как «спустя рукава», «за пояс заткнуть», «пускать пыль в глаза», «собаку съел», «впросак попасть», «на нашей улице праздник» и др. А откуда они взялись и что первоначально обозначали, почти никто не знает. Максимов в своей книге подробно говорит об этом. Происхождение некоторых «крылатых слов» и выражений он объясняет на местных примерах, сообщая много интересных сведений о быте населения. Например, при объяснении выражения «на нашей улице праздник» Максимов рассказывает, как справлялись в 40-х годах XIX века уличные праздники в Галиче

«В моей детской памяти, — пишет Максимов, — запечатлелось необычайное повседневное безлюдье в городе, не исключая всегда шумливой рыночной площади, и припоминаются теперь огромные толпы народа, струдившиеся на одной улице, главной и трактовой, называемой Пробойною (одна из главных улиц в Галиче, теперь ул. Луначарского. — В. К.). Почтовый ящик не решился по ней ехать и свернул в сторону, зная, что Пробойная на этот день принадлежит празднику. Большие неприятности и очень тяжелые последствия ожидали бы того смельчака, который рискнул бы расстроить налаженные хороводы и другие игры. Вся Пробойная превратилась в веселый и оживленный бал, резвернувшийся всю ширину и длину ее... Несколько хороводов кружились в разных местах чопорно и степенно, по-городскому с опущенными глазами, с подобранными сердечком губами, выступая в середине густой стены из добрых молодцев, еще в длинных на тот раз сибирках... Все девушки вертелись в кругу с лицами, закрытыми белыми фатами, в бабушкиных, шитых позументами и унизанных камнями, головных повязках и надглазных понизях или ряках, в коротеньких со сборами парчовых безрукавных телогреях... Веселились собственно на том и другом конце, где большие и малые играли в городки, или чурки»¹.

При объяснении выражения «подкузьмить и объегорить» Максимов сообщает ценные подробности из быта старой костромской деревни. Оказывается, «с древнейших времен вешний Егорий (церковный праздник — 23 апреля ст- ст. — В. К.) считался начальным сроком торговцев для разного рода сделок и всякого рода наймов». Используя тяжелое положение крестьянской бедноты в голодное весеннее время, местные кулаки и торговцы нанимали в это время за бесценок работников, «объегоривали» своих земляков². Конечно, не все в этой книге бесспорно. Есть ряд ошибочных и устаревших толкований, сказывается и ограниченность социально-политических взглядов Максимова, но в целом «Крылатые слова» и сейчас представляют значительный интерес для широкого круга советских людей, содействуют повышению культуры нашей речи.

Советские люди дорожат памятью писателя, который так много труда посвятил изучению и описанию жизни трудящихся нашей Родины в прошлом, который крепко верил в творческие силы великого русского народа.

1 С. Максимов. «Крылатые слова», ГИХЛ, М., 1955, стр. 21—22

2 Там же.